

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СТАТУСНЫХ РЕСУРСОВ В ГЕОПОЛИТИКЕ

Значение нематериальных ресурсов власти выросло в современный период. Наряду с экономическими возможностями и военным потенциалом все более значимыми становятся престиж, доверие, репутационная устойчивость и право интерпретировать события. Медиатизация международной политики и ускорение информационных потоков создают конкуренцию за признание и публичность, за статус ответственного актора, чьи действия интерпретируются как законные и чьи нормы воспринимаются как универсальные. Статусные ресурсы можно рассматривать как одну из ключевых форм символического капитала: это признанные в международном поле знаки престижа и легитимности, которые при поддержке институционального и дискурсивного признания конвертируются в реальные политические преимущества. В этой ситуации концепт символического капитала позволяет связать языковые и институциональные механизмы легитимации с практическими преимуществами, получаемыми на мировой арене. Современная исследовательская повестка смещается от определения понятия к его эмпирическому содержанию: как символический капитал производится, как закрепляется, какими методами его измерять и как он конвертируется в решения, коалиции, инвестиционные потоки или доступ к институтам. Это приводит к методологическому плюрализму, где качественные стратегии сочетаются с сетевыми и количественными инструментами.

Наталья Кутузова,
зав. отделом исследований
глобализации, регионализации и
социокультурного сотрудничества
Института философии НАН
Беларуси, кандидат философских
наук, доцент

Капитал, который действует через признание

В трактовке П. Бурдьё символический капитал понимается как любая форма капитала (экономическая, культурная или социальная), которая становится действенной, так как признана в конкретном поле [1, 2]. Отсюда вытекает два принципиальных следствия. Во-первых, власть может действовать через доверие, престиж и авторитет – то есть через то, что воспринимается естественным. Во-вторых, анализ должен быть направлен на механизмы признания: институты, правила и ритуалы, которые подтверждают статус и распределяют право говорить «от имени нормы».

Современные исследования международных отношений расширяют эту рамку в нескольких направлениях. Одно из них – сближение с теорией статуса и признания: акторы стремятся к статусным символам (клубам, председательствам, лидерским инициативам), поскольку они повышают ожидаемую значимость для других участников и создают преимущества доступа [3]. Другой вектор связан с практическими аспектами: дипломатия и международная политика

рассматриваются как поля профессиональных компетенций, где идет борьба за монополию на «правильный язык» и легитимное представительство [4]. Третье направление фокусируется на цифровой среде, в которой видимость, алгоритмическое распределение внимания и правила модерации становятся новой инфраструктурой признания [5].

Символический капитал в геополитике: функции и измерения

В геополитических процессах символический капитал фактически сводится к способности актора закрепляться в режимах признания и извлекать из этого преимущества. Он присутствует как минимум в четырех взаимосвязанных функциях:

- **нормативная** связана со способностью определять стандарты законности и справедливости: кто нарушает правила и какие меры выглядят оправданными;
- **функция повестки** выражается в умении задавать темы и рамки их интерпретации;
- **статусная** проявляется в присвоении и подтверждении иерархий («великая держава», «лидер региона», «ответственный партнер»);
- **конверсионная** фиксирует самое важное: превращается ли признание в конкретные дивиденды: доступ к институтам, коалициям, инвестиционным возможностям, доверие рынков и устойчивость переговорных позиций.

Эти функции позволяют соотнести символический капитал с «мягкой силой». В концепции Дж. Ная влияние связывается прежде всего с привлекательностью и способностью убеждать [6], но символический капитал подчеркивает институционально закрепленное признание и его способность трансформироваться в практические выгоды. В этом смысле популярность или медиазаметность могут быть лишь входными условиями, но не заменяют капитал без конверсии.

Значительный пласт эмпирических исследований связывает символический капитал с практиками публичной дипломатии и формированием национального бренда. Репутация государства рассматривается как управляемый ресурс, который может облегчать формирование коалиций, снижать транзакционные издержки и повышать доверие к инициативам. Однако методологически важно различать маркетинговую коммуникацию и сам капитал: образ или бренд становится капиталом только тогда, когда он признан релевантными аудиториями и под-

креплен действиями, позволяющими конвертировать престиж в институциональные решения [9].

Практико-ориентированные изыскания анализируют символический капитал в дипломатических службах, международных организациях, экспертных сообществах. Используются интервью, наблюдение, анализ кейсов и процесс-трейсинг. Исследователь изучает протоколы, карьерные траектории и ритуалы, через которые закрепляются границы профессии и подтверждается компетентность. Показательно, что институциональные изменения могут вызывать конкуренцию не столько за бюджеты, сколько за признание и право определять стандарт «настоящей дипломатии» [4].

Дискурс-аналитические подходы рассматривают символический капитал как эффект называния: язык не отражает реальность нейтрально, а задает моральные оценки, распределяет ответственность и формирует рамки допустимого. Анализируются метафоры, обвинительные формулы и нарративы легитимации (например, «защита порядка» или «борьба с угрозой»). Сильная сторона здесь – это способность выявлять механизмы, через которые статус превращается в «естественную» иерархию; слабая заключается в риске потерять связь с материальными последствиями.

Сетевой анализ позволяет трактовать признание как структурную позицию: близость к центрам принятия решений, посредничество между коалициями, роль узла экспертных коммуникаций. Метрики центральности и брокерства дают операциональные индикаторы, но требуют интерпретации: высокая связанность может означать как влияние, так и зависимость. На практике сетевой анализ особенно полезен в смешанных методологических программах, в которых количественные метрики дополняются анализом практик и документов.

Значимым приемом становится верификация данных: исследователь сопоставляет наблюдения и интервью с документальными следами (протоколами, резолюциями, пресс-релизами), а затем проверяет выводы на количественных данных, например на сетевых показателях участия в многосторонних форматах или на динамике упоминаний в медиа. Такая комбинация снижает риск подмены «признания» субъективной оценкой исследователя и делает результаты более воспроизводимыми. Смешанная методологическая программа обычно соединяет описание (интервью, наблюдение, дискурс) с количественными данными (сетевые показатели, индексы, временные ряды). Для символического капитала это важно, потому что он одновременно

смысловой и институциональный: его нельзя редуцировать к количеству (место в рейтинге и пр.), но и нельзя объяснять только интерпретацией без сопоставимости результатов.

Сетевые методы в геополитическом анализе позволяют выявлять символический капитал государств через их положение в различных типах сетей – от дипломатических контактов и членства в институтах до дискурсивных связей в медиа. Центральность акторов в сети совместных упоминаний или соглашений может рассматриваться как индикатор признания и статусной значимости, поскольку отражает не материальные ресурсы, а степень включенности в международное взаимодействие и способность выступать узлом координации. Таким образом, сетевой анализ дает возможность измерять символический капитал как структурное преимущество: быть не просто сильным, а «видимым», признанным и связанным с другими ключевыми центрами влияния.

Количественные методы применяются к большим корпусам текстов: заявлениям лидеров, документам международных организаций, новостям и цифровым платформам. Тематическое моделирование выявляет устойчивые сюжеты, анализ тональности и фреймов, а семантические модели – динамику смысловых связей «актор – роль – оценка». Для геополитических исследований это дает возможность отслеживать трансформацию легитимности и проверять, какие дискурсивные стратегии действительно закрепляют статус. Text-as-data-анализ может применяться для создания индекса дискурсивного признания стран на международной арене. Практическим источником данных является, например, корпус ежегодных выступлений государств на дебатах Генеральной ассамблеи ООН, содержащий сопоставимые тексты. На первом этапе выделяются маркеры символического капитала: частота упоминаний государства другими участниками (как показатель «видимости»); тональность и контекст упоминаний (например, связка с лексикой «миротворчество», «ответственность», «лидерство», «легитимность»); позиция в сети совместных упоминаний как индикатор статусной центральности. Далее с помощью тематического моделирования строится профиль смысловых тем, в которых государство закрепляет свою репутацию: безопасность, гуманитарная помощь, климатическая повестка, лидерство в технологиях и т.д. Text-as-data-анализ позволяет количественно продемонстрировать то, что раньше описывали словами: как меняется признание, репутация, статус, а значит, и символический капитал страны в мировой политике – через видимость, язык леги-

тимации и положение в сети дискурса. Итогом становится количественный показатель, отражающий не материальные ресурсы, а символически признанную значимость государства в международном дискурсе, что позволяет сравнивать динамику его статуса во времени и выявлять «символические стратегии» внешней политики.

«Платформенная власть»

Цифровая среда производит новые формы признания: верификация, рейтинги и метрики вовлеченности становятся статусными сигналами. Исследования подтверждают, что цифровой капитал распределен неравномерно и связан с воспроизводством социального неравенства [7], а также влияет на статус и его накопление через навыки и инфраструктурный доступ [8]. Для геополитики это означает, что символический капитал все чаще зависит от платформенной архитектуры: алгоритмы управления вниманием и правила модерации становятся частью «машины признания» [5]. «Платформенная власть» трактуется как способность цифровых платформ устанавливать правила взаимодействия, управлять видимостью информации и распределением ресурсов за счет контроля инфраструктуры, данных и алгоритмов. «Платформенная власть» – это влияние на доступ к данным, инфраструктуре и публичной легитимности акторов. Через механизмы модерации, алгоритмической видимости и контроля цифровых «шлюзов» (магазинов приложений, платежей, облачных сервисов) платформы могут фактически изменять информационную конфигурацию международных кризисов и протестных движений.

«Платформенная власть» в геополитике особенно отчетливо проявляется в ситуациях, когда цифровые платформы начинают выполнять функции транснациональных регуляторов политической коммуникации. Так, Meta (Facebook) в ряде случаев применяла масштабные меры по удалению аккаунтов и страниц, связанных с государственными структурами, мотивируя это борьбой с «координированным неаутентичным поведением» и манипуляцией общественным мнением, что фактически влияло на конфигурацию информационного пространства отдельных государств и на легитимность политических деятелей [10]. В свою очередь Telegram демонстрирует «платформенную власть» через роль в сфере международной безопасности: взаимодействие мессенджера с наднациональными структурами по ограничению террористической пропаганды показывает, что решения

платформы могут менять каналы распространения радикальных нарративов и снижать трансграничную мобилизацию через цифровые сети [11]. В результате платформы становятся участниками перераспределения символических ресурсов и контроля коммуникаций, что придает им субъектность в современной мировой политике [12].

Операционализация и измерение

Ключевая методологическая трудность заключается в том, что символический капитал нельзя измерить напрямую. Поэтому используются прокси-индикаторы: институциональные признания (должности, председательства, членство), репутационные рейтинги, сетевые позиции, дискурсивные маркеры легитимности и, с оговорками, показатели цифровой видимости. Принципиально важно не смешивать капитал с медийностью. Современная литература предлагает различать видимость, популярность, легитимность и конверсию. Именно последняя способна превращать признание в решения и ресурсы, что, в свою очередь, позволяет отличить краткосрочный коммуникационный эффект от устойчивого символического капитала. В практических исследованиях геополитических процессов в качестве индикаторов признания часто используются: институциональные роли (председательство в международных организациях, участие в «закрытых» форматах); символические инвестиции (мегасобытия, гуманитарные инициативы, посреднические миссии); устойчивые дискурсивные связки в официальных документах («лидер», «гарант», «ответственный»); позиция в сетях экспертного и дипломатического взаимодействия. Каждый индикатор сам по себе ограничен, поэтому наилучший результат дает их сочетание. Перспективным направлением остается изучение статусных символов как объектов с жизненным циклом: возникновение, институционализация, оспаривание и возможная девальвация [3]. Такой подход помогает историзировать признание и объяснить, почему «правильные» символы меняются, а борьба за них становится регулярной частью мировой политики.

Таким образом, символический капитал следует рассматривать как самостоятельный механизм геополитического влияния, действующий через признание и легитимацию. Он образуется в институциональных, дискурсивных и цифровых пространствах и определяет способность субъекта задавать нормы, повестку и статусные позиции. Наиболее продуктивной методологической стратегией сегодня

является комбинирование подходов: практический подход раскрывает формирование признания, дискурс-аналитика отражает его языковые механизмы, сетевые методы фиксируют структурные позиции, количественные инструменты text-as-data-анализа позволяют работать с динамикой легитимации на больших корпусах текстов. Отдельного внимания требуют новые формы символической конкуренции, возникающие из-за алгоритмического управления видимостью. Платформы способны усиливать одних акторов и маргинализировать других, что меняет соотношение между «авторитетом» и «охватом». Поэтому исследователям символического капитала необходимо учитывать не только содержание нарративов, но и технические условия их распространения: архитектуру рекомендаций, модерационные практики и экономику внимания.

Такая интеграция делает анализ символического капитала более воспроизводимым и одновременно сохраняет смысловую глубину, необходимую для понимания современных геополитических процессов. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. – New York, 1986. P. 241–258.
2. Bourdieu P. Language and Symbolic Power / ed. by J. B. Thompson; trans. by G. Raymond, M. Adamson. – Cambridge, 1991.
3. Beaumont P., Roren P. Status Symbols in World Politics // Cooperation and Conflict. 2025. Vol. 60. N1. P. 3–26. Doi: 10.1177/00108367241311072.
4. Adler-Nissen R. Symbolic Power in European Diplomacy: The Struggle Between National Foreign Services and the EU's External Action Service // Review of International Studies. 2014. Vol. 40, N4. P. 657–681. Doi: 10.1017/S0260210513000326.
5. Harracá M., Castelló I., Gawer A. How Digital Platforms Organize Immaturity: A Sociosymbolic Framework of Platform Power // Business Ethics Quarterly. 2023. Vol. 33, N3. P. 440–472. Doi: 10.1017/beq.2022.40.
6. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York, 2004.
7. Verwiebe R., Hagemann S. Bourdieu Revisited: New Forms of Digital Capital – Emergence, Reproduction, Inequality of Distribution // Information, Communication & Society. 2024. P. 1–23. Doi: 10.1080/1369118X.2024.2358170.
8. Rodríguez-Camacho J.A. Digital Capital: Importance for Social Status in Contemporary Society and Antecedents of Its Accumulation / J.A. Rodríguez-Camacho, M. Linder, D. Jütte, T. Hennig-Thurau // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 159. 108316. Doi: 10.1016/j.chb.2024.108316/https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563224001845.
9. Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. The Hague: Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2008 // https://www.clingendael.org/publication/public-diplomacy-and-nation-branding-conceptual-similarities-and-differences.
10. Removing Myanmar Military Officials From Facebook // Meta Newsroom. 2018. Aug. 28 // https://about.fb.com/news/2018/08/removing-myanmar-officials.
11. Europol and Telegram take on terrorist propaganda online // Europol Newsroom. 2019. Nov. 25 // https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/europol-and-telegram-take-terrorist-propaganda-online.
12. Conway, M. Encrypted Extremism / M. Conway, S. Macdonald, R. Lewis. – Washington, 2019 // https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs5746/files/EncryptedExtremism.pdf.